

Не успел он как следует насладиться отдыхом, как Цзи Шэньюй подошел и отобрал у него трубку, заявив с внушительным видом:

— С раком легких — и курить? С сегодняшнего дня бросаем.

Лян Хэчэн не стал сопротивляться, смиренно покорившись судьбе, закинул ногу на ногу и прикрыл глаза, погружаясь в дремоту. Цзи Шэньюй, выбившись из сил после уборки, прислонился к дверному косяку и вместе с Лян Хэчэном прислушивался к шуму дождя. Спустя долгое время он спросил:

— Учитель, вы не хотите узнать обо мне побольше?

Лян Хэчэн отозвался:

— Впереди еще много дней, к чему спешить?

Люди устроены одинаково: чем меньше о них спрашивают, тем больше им хочется рассказать. Цзи Шэньюй сам начал разговор:

— Я родом из Янчжоу. После смерти учителя я последовал за его старым другом сюда, став и учеником, и приемным сыном.

Лян Хэчэн встрепнулся:

— И чью школу мастерства ты унаследовал?

— Прежнего учителя — он был мне и наставником, и родным отцом, — ответил Цзи Шэньюй. — Но... признаюсь вам, на самом деле я учился не этому, а резьбе по нефриту.

Лян Хэчэн спросил:

— Кто твой нынешний учитель?

Цзи Шэньюй присел на корточки:

— Хозяин Юй Сяоцзи, Дин Яньшоу.

Лян Хэчэн был ошеломлен:

— Хозяин Дин?! — Он указал пальцем себе за спину. — Посмотри на ту комнату, там полно всякого антиквариата, но разве есть хоть одно нефритовое изделие? Резьба — это другое ремесло, да и даже если бы ты что-то вырезал, это не ускользнуло бы от зоркого глаза твоего учителя!

Лучше бы он не начинал этот разговор, теперь на душе стало беспокойно.

Цзи Шэньюй до самого ухода не мог найти себе места. Вернувшись на улицу Шаэр и увидев ворота дома семьи Дин, он почувствовал, как тревога нарастает до предела. Его мучили совесть, вина и опасения: он сгоряча стал учеником, забыв, что у него уже был учитель — и

притом такой добрый.

Стоило ему войти, как Дин Яньшоу, стоявший у пруда перед декоративной стеной, заулыбался и спросил, где это он гулял в такой дождь.

Цзи Шэньюй не осмелился ответить, юркнул под зонт, подхватил Дин Яньшоу под руку и стал бросать корм для рыб, который взял у того из рук. Пруд был неглубоким, несколько красных карпов лениво повиливали хвостами. Учитель и ученик засмотрелись, и лишь когда на поверхности воды отразился еще один силуэт, они пришли в себя.

Дин Ханьбай наблюдал за ними:

— Кормите рыб так, будто Су Ши взошел на гору. Что случилось? В Юй Сяоцзи опять кто-то разорился?

Дин Яньшоу притворился, что не слышит:

— Шэньюй, пойдем в дом, посмотрим телевизор.

Они проигнорировали Дин Ханьбая, словно его и не было. Цзи Шэньюй, провожая учителя, обернулся и бросил взгляд на Дин Ханьбая. Он боялся его больше, чем Дин Яньшоу — в конце концов, Дин Ханьбай мог запросто стукнуть кулаком по столу перед собственным отцом.

Впрочем, дело было не только в страхе, просто не хотелось наживать неприятностей.

К ужину Дин Ханьбай сосредоточился на паровой рыбе, но брюшко рыбы съедается быстро, а остальное казалось ему недостаточно нежным. Пока он замер с палочками, Цзи Шэньюй, который сам еще почти не ел, положил ему в чашку кусочек рыбы.

Дин Ханьбай скосил глаза, а Цзи Шэньюй улыбнулся ему.

Когда подали суп, Дин Ханьбаю не попалось ни одного гребешка, и Цзи Шэньюй тут же переложил ему несколько штук.

После еды принесли арбуз, и Дин Ханьбай, поленившись тянуться, получил от Цзи Шэньюя самый сладкий кусочек из сердцевины.

Внутри Дин Ханьбая все содрогнулось. Он давно понял, что этот южный паренек, приехавший на север и живущий на чужой хлеб, ни в чем не хочет уступать другим, а если начнет важничать — становится крайне раздражающим. Но сегодня он вел себя крайне странно: заботливее маленькой служанки. Оказывает любезность без причины — значит, либо замышляет недоброе, либо что-то украл.

С Дин Ханьбаем вроде бы ничего недоброго не случилось, значит, скорее всего, украл. Он понизил голос и спросил:

— Ты украл те сто тысяч юаней?

Цзи Шэньюй опешил:

— Нет, конечно, кому они нужны...

Дин Ханьбай подумал: Да ты бы и не осмелился. Вечером вся семья смотрела телевизор, Дин Яньшоу вышел запереть ворота, а вернувшись, внезапно громко крикнул — хотел напугать бродячую кошку у входа.

Цзи Шэньюй пулей вскочил с места и невольно выдохнул:

— Все пропало!

Цзян Шулю не расслышала, а вот Дин Ханьбай уловил каждое слово. Весь остаток вечера он молча наблюдал и заметил, что стоило Дин Яньшоу сделать малейшее движение, как в глазах Цзи Шэньюя вспыхивал испуг — настоящий пуганый воробей.

Наконец они добрались до своего дворика. Цзи Шэньюй шел впереди, Дин Ханьбай следовал за ним. Войдя под арку, он пнул стебель бамбука, и этот звук заставил парня вздрогнуть. Дин Ханьбай спросил:

— В чем провинился?

Цзи Шэньюй обернулся, его лицо в лунном свете казалось мертвенно-бледным:

— Ни в чем, я... я думал, это крыса пробежала.

Причина была глупее некуда, и Дин Ханьбай не поверил:

— Что ты делал сегодня?

Цзи Шэньюй не умел лгать, но умел переводить тему:

— Несколько дней назад мне приснилось, что я вернулся в Янчжоу. Во сне был мой отец и ты. Отец упрекал меня, что я о нем не помню, а потом вдруг исчез, и я не мог его найти.

Рассказывая, он погрузился в воспоминания, и в паре шагов от него словно возник силуэт Цзи Фансюя. Цзи Шэньюй отступил к каменному столу и спросил:

— Старший брат, можешь подарить мне луну еще раз?

Срок действия был всего на одну ночь, но это помогало.

Дин Ханьбай посмотрел на небо:

— Идет дождь, луны нет.

Первый не стал настаивать, второй не стал допытываться, и они разошлись.

Цзи Шэньюй сидел на кровати, перечитывая Войну и мир, быстро переворачивал страницы, но

смысл ускользал от него. Вскоре кто-то постучал — это была Цзян Цайвэй с корзинкой для шитья.

— Шэньюй, я связала тебе перчатки, — сказала она. — Хотела спросить, ты предпочитаешь фланелевую подкладку или вату?

Цзи Шэньюй был поражен:

— Мне связала? Правда?

Цзян Цайвэй рассмеялась:

— Да, я только научилась, вышло не очень умело.

Раньше, с Цзи Фансюем, он ни в чем не нуждался, но никто не заботился о таких мелочах. Когда Цзи Шэньюй принимал клубок шерсти, его ладони вспотели от радости. Цзян Цайвэй показала ему:

— Только закончила одну, сначала хотела сделать края с оборками, но показалось, что будет продувать, и распустила.

Цзи Шэньюй нетерпеливо натянул перчатку на руку:

— Кажется, немного великовата.

Да что там немного — стоило опустить руку, как перчатка соскальзывала.

Цзян Цайвэй смущенно улыбнулась:

— Надо было сначала снять мерки, это мой первый раз, не рассчитала.

Цзи Шэньюй уточнил:

— Ты связала их в первый раз и решила подарить мне?

Цзян Цайвэй, замороженная блеском в его глазах, ответила с заминкой:

— Да... это теперь твой дом, здесь тебе не нужно чувствовать себя чужим, понимаешь?

Цзи Шэньюй кивнул. Позже, когда Цзян Цайвэй измеряла его ладонь, он вытянул пальцы и боялся пошевелиться, а когда она коснулась его, сердце забилось в бешеном ритме.

Он впервые коснулся рук девушки и боялся даже пошевелиться, чтобы не показаться невоспитанным. После того как она ушла, он забыл о своих тревогах, ворочался в постели и мечтал, чтобы зима наступила поскорее — ему не терпелось надеть новые перчатки.

Вернувшись в передний двор, Цзян Цайвэй увидела на столе обертку от шоколада:

— Ты съел весь мой шоколад?!

Дин Ханьбай смаковал вкус:

— Боялся, что поправишься, а толстушке трудно найти мужа.

Он постоянно балансировал на грани терпения Цзян Цайвэй, но умел заглаживать вину.

— Ну что, как там? Он выглядит довольным?

Цзян Цайвэй ответила:

— Очень рад, когда услышал, что я вяжу ему перчатки, глаза засияли. — Она хлопнула Дин Ханьбай по плечу. — Все из-за тебя, заставил меня утешать человека, еще и обманывать пришлось, чуть не проговорила.

Дин Ханьбай взял одну перчатку, размер которой идеально подходил ему, и усмехнулся:

— Тогда набей побольше ваты, чтобы южные лапки не обморозились на севере.

Он пробыл там еще немного. Когда он вернулся, во всех комнатах уже погас свет, с крыш капала вода. Проходя мимо окна Цзи Шэньюя, он услышал, что внутри кто-то есть. Тот напевал какую-то мелодию, слова разобрать было нельзя, но Дин Ханьбай остановился и начал отбивать ритм рукой.

Цзи Шэньюй подскочил с кровати и подбежал к окну:

— Еще один вор, любящий музыку.

Дин Ханьбай постучал по раме:

— Иди ты, свет выключил, а спать не ложишься, что за пошлые мотивы напеваешь?

Цзи Шэньюй ответил:

— Младшая тетя связала мне перчатки. — В его голосе сквозило хвастовство и нескрываемое счастье. — Я хочу подарить ей браслет, ты не мог бы свозить меня на рынок материалов?

Дин Ханьбай спросил:

— Мне еще и денег тебе одолжить?

Цзи Шэньюй резко распахнул окно, схватил Дин Ханьбай за запястье и расхохотался, словно обезумев. В темноте Дин Ханьбай не видел толком, что происходит, и лишь подался вперед, боясь, что тот сейчас вывалится из окна.

Разжав пальцы, Цзи Шэньюй сказал:

— Размер запомнил, я и тебе сделаю такой же.

Дин Ханьбай огрызнулся:

— Кому это нужно, я ношу только часы.

Окно снова закрылось, голос стал приглушенным, слова растворились в капающей воде... Я все

равно хочу подарить, сказал Цзи Шэньюй. Дин Ханьбай помолчал мгновение и произнес редкое для него:

— Спокойной ночи.

Идя к себе, он снял с запястья часы.

Рядом с рынком материалов Виллербан был французский ресторан. В былые годы дела там шли из рук вон плохо, но потом его переделали в закусочную с соевым молоком и жареным тестом, и бизнес пошел в гору. Сейчас Цзи Шэньюй сидел на кожаном диване, разглядывая цветы и подсвечники на столе, поедая жареное тесто с соленьями... Его аппетит был таким же сложным, как и настроение.

Дин Ханьбай объяснял:

— В годы оккупации здесь был отель, который держал француз, так и назывался — отель Виллербан. Потом название рынка менять не стали, дела здесь идут хорошо, многие иностранцы приходят торговать, здесь больше всего заграничных товаров. А этот ресторан несколько лет назад сменил хозяина, интерьер оставили прежним, просто стали подавать китайскую еду.

Цзи Шэньюй молча слушал, допил соевое молоко и, прихватив свои последние сбережения, отправился следом за Дин Ханьбаем. На рынке было многолюдно, помимо продавцов материалов было немало лавок с готовыми изделиями — стоило посмотреть.

Цзи Шэньюй остановился перед витриной, привлеченный изящными поделками:

— Старший брат, это все иностранный антиквариат? — спросил он, повернув голову. — Или имитация?

Дин Ханьбай ответил:

— Имитация, но работа и материал неплохие.

В витрине стоял белоснежный круглый стол, на нем — пара барочных позолоченных подсвечников и набор чайной посуды в стиле Возрождения. Видя, как внимательно Цзи Шэньюй рассматривает их, Дин Ханьбай спросил:

— Нравится?

Цзи Шэньюй оставил отпечатки пальцев на стекле — красиво, нравится.

— Тогда купи чашку, будешь пить из нее чай. — У Дин Ханьбая все было просто: нравится — бери. Цзи Шэньюй же думал о другом: дома все в китайском стиле, не подойдет, вот куплю себе виллу, тогда и куплю.

Дин Ханьбай спросил:

— А когда же ты купишь виллу?

Про себя он подумал: утром собирается целую вечность, пересчитывает свои копейки туда-сюда, какая там вилла, в коммуналке бы место найти.

У него была такая натура: даже молча он выдавал свои мысли. Цзи Шэньюй посмотрел на него и прочел все, что тот думал. Прогулка продолжалась, но общение сошло на нет, и он не знал, стоит ли еще заикаться о браслете.

В одной лавке, торговавшей куриной кровью, в глаза бросились ярко-красные с молочно-белым камни — невероятная красота. Статуэтка из подобного материала, которую Цзи Шэньюй подарил Цзян Цайвэй, была такой же, только менее прозрачной, и потому проигрывала в цвете.

У Цзян Цайвэй была светлая кожа, ей бы такой цвет подошел идеально. Он хотел посоветоваться с Дин Ханьбаем, но тот опередил его:

— Куриная кровь — отличный вариант, сделай мне из этого.

Цзи Шэньюй предложил:

— Может, я сделаю пару, тебе и младшей тете по браслету?

Дин Ханьбая словно муха укусила:

— Мы что, брат и сестра или мать с сыном, чтобы носить парные вещи?!

Все из-за того, что Цзян Цайвэй была молодой, и Цзи Шэньюй не воспринимал ее как старшую, скорее как сестру. Он сосредоточился на выборе, сначала выбрал материал для Цзян Цайвэй, а когда дело дошло до Дин Ханьбая, засомневался в пропорции красного и белого.

— Старший брат, ты правда хочешь куриную кровь?

— Именно ее. Что бы ни выбрала Цзян Цайвэй, я хочу то же самое.

Цзи Шэньюй подумал:

— Тогда я не буду делать тебе браслет.

Дин Ханьбай вспыхнул:

— Мне он и не нужен был, делай что хочешь. Заманил меня на прогулку, машину подавай, завтраком угощай, виллу не купил, а замашки господские уже появились. Куриная кровь? Да я и на крови феникса носить не стану.

Этот залп сбил Цзи Шэньюя с толку. Он стоял с камнем размером с ладонь и не понимал, из-за чего Дин Ханьбай так злится.

— Я... что я тебе сделал? — обиженно спросил он. — Мне показалось, что куриная кровь слишком красная, браслет будет смотреться неуместно, хотел предложить вырезать печать... Не хочешь — не надо, чего злиться-то?

Дин Ханьбай слишком поторопился с выводами, неверно истолковал слова парня, и теперь, потеряв всякое лицо, небывало покраснел. Он вытащил кошелек, пытаясь купить себе достоинство:

— Хозяин, расчет.

Цзи Шэньюй не унимался:

— У меня есть деньги. С таким характером, как у тебя, в Янчжоу тебя бы давно утопили в озере Шоусиху.

Дальше они гуляли так, что Цзи Шэньюй действительно стал вести себя как господин, показывая Дин Ханьбаю только затылок. На вопросы Дин Ханьбая он делал вид, что не слышит, на попытки заговорить — холодно усмехался. Они играли в театре одного актера, пока прогулка наконец не завершилась.

Дин Ханьбай завел машину:

— Хочу лапшу с соусом чжацзян.

Цзи Шэньюй в пику ему:

— А я хочу сашими.

Дин Ханьбай вздохнул, держась за руль. Он понял: признать вину не позволяет гордость, а помириться не выходит — ну и пусть, будем упрямыться, так даже веселее. К тому же он не любил сашими и не собирался идти на уступки.

Заглушив двигатель, они вышли из машины. Цзи Шэньюй, глядя на вывеску лапшичной, поутих. Внутри глаза разбегались от десятка видов лапши. Он никогда ее не пробовал и думал, что это просто лапша с соусом — откуда столько видов?

— Это овощные добавки, выбери, что нравится, — Дин Ханьбай повернулся к официанту. — Соевые бобы, ветчина, огурец, пекинская капуста, редис, лапшу промыть в холодной воде трижды. Пол-утки, спаржа, четыре пирожных цзингао.

Цзи Шэньюй повторил за ним:

— Соевые бобы, ветчина, огурец, сашими.

Официант поспешно ответил, что сашими нет. Дин Ханьбай не знал, плакать или смеяться, он был слишком голоден, чтобы спорить. Пока ждали заказ, оба молчали, а когда принесли еду — и подавно.

В глубокой миске Дин Ханьбай перемешал лапшу так, что соус и овощи слились в одно целое,

добавил кусочек утки, подтолкнул миску к Цзи Шэньюю.

Тот молча забрал другую миску, смешал и начал есть. Дома они сидели рядом, а сейчас — по разные стороны угла стола. Поев некоторое время, Цзи Шэньюй начал громко прихлебывать. Дин Ханьбай искоса взглянул: парень перепачкался соусом до ушей.

Вчера он толком не ел, а сегодня проголодался, и лапша показалась ему невероятно вкусной. Он думал, что это просто черная лапша, а она оказалась ароматной и освежающей. Когда голод немного отступил, он взял кусок утки, перепачкался еще больше, потянулся за салфетками и обнаружил, что коробка пуста.

— Официант... — начал он.

Дин Ханьбай наконец нашел способ пробить лед. Он протянул руку и стер с лица Цзи Шэньюя соус, испачкав пальцы в черном масле. Пока тот опешил, Дин Ханьбай тихо сказал:

— Давай помиримся.

Когда салфетки принесли, он вытер руки, опустил их под стол, пальцы слегка сжались. Казалось, даже линии на кончиках его пальцев были удивлены тем, какими мягкими были те губы — он боялся надавить чуть сильнее и поранить их.

Вернувшись к еде, он увидел в своей миске спаржу — периферийное зрение работало отлично, он видел, как Цзи Шэньюй украдкой поглядывает на него. Он опустил глаза и спросил:

— Ты правда хотел утопить меня в озере Шоусиху?

Цзи Шэньюй снова перевел тему:

— Что вырезать на печати? Как насчет узора Цветы расцветают к богатству?

Дин Ханьбай фыркнул:

— Пошло.

— Тогда Обезьяна, приносящая долголетие?

— Мой день рождения уже прошел.

— Семь мудрецов из бамбуковой рощи?

— Семь человек на печати размером с ладонь? Ты в стране лилипутов живешь?

Дин Ханьбай заткнул его, и они продолжили есть в тишине.

По дороге домой, на светофоре, Цзи Шэньюй увидел старушку, продающую желтую бумагу. Сегодня он успел и порадоваться, и разозлиться, а сейчас на душе стало грустно. Дин Ханьбай проследил за его взглядом, припарковался у обочины и велел ему купить два пакета.

Всю оставшуюся дорогу Цзи Шэньюй обнимал бумагу и золотые слитки. Подходя к дому, он спросил:

— Учитель похоронен в Янчжоу, есть ли толк в том, что я куплю это?

Дин Ханьбай ответил:

— Разве те, кто далеко от дома, не чтят память предков? Завтра вечером найдем перекресток, сожжем, скажешь пару слов, и учитель Цзи все услышит. — Подумав, он добавил, что завтра после работы у него нет дел, он может его проводить.

Цзи Шэньюй же сказал:

— Тогда я попрошу младшую тетю сходить со мной, заодно спрошу, что она любит — браслет или цепочку.

Дин Ханьбай переменялся в лице:

— ...М-да, делай как знаешь.

Он чувствовал, что его снова уволили. Глубоко вздохнул, заставил себя улыбнуться — какая разница, зато больше свободы. Вытащив ключ из замка зажигания, он не сдержался и пробормотал:

— Неблагодарный щенок.

На следующий день все работали. Цзян Цайвэй приняла просьбу Цзи Шэньюя, договорились сжечь бумагу вечером. Дин Ханьбай по будням был не в духе, ходил с хмурым лицом, а перед уходом прихватил бутылку Маотая.

Цзян Шулю остановила его:

— Зачем несешь бутылку на работу? Опять собираешься пить?

Дин Ханьбай ответил:

— Несу подарок начальству, хочу стать бригадиром.

Он умел обращаться с матерью, вырвался и умчался. Доехал до Бюро по охране культурных реликвий, спрятал бутылку и проработал все утро. В обеденный перерыв тут же исчез. Чуншуй, 57. Бутылка была при нем, он хотел взглянуть на настоящую курильницу с глазурью Гэ.

Пришлось долго искать нужный переулок. Дворы были обшарпанные, но пахло из них вкусно. Наконец, найдя ворота, Дин Ханьбай набрал воздуха в грудь и прокричал:

— Принимаем старье! Старые вытяжки!

Эхо не успело затихнуть, как Чжан Сынянь вылетел наружу с пампушкой в руках:

— Какой ублюдок перехватывает бизнес у моих ворот?! Издеваешься над инвалидом? Пойду жаловаться в общество инвалидов!

Присмотревшись, он увидел Дин Ханьбая, который стоял у ворот с бутылкой Маотая, словно сын богача, пришедший навестить бедняков — одна доля сострадания, девять долей

пренебрежения. Этот господин вошел широким шагом, огляделся и скривился — пожалел, что не назначил встречу в другом месте.

Чжан Сынянь повернулся и пошел в дом:

— Хватит морщиться, в конце концов, дома помоюсь.

Дин Ханьбай вошел следом. Внутри было старое оборудование, но довольно чисто — не чета двору с кучей мусора. Он сел за стол, привычно открыл бутылку, разлил по стаканам и чокнулся с ним. Выпили.

— Маринованного тофу к выпивке?

— Разве здесь есть что-то, кроме картофельной соломки?

Дин Ханьбай заметил на столе вазу с узором Сто долголетья. Чжан Сынянь опустил в нее палочки и выудил несколько кусков тофу в кисло-остром рассоле с кусочками перца... Дин Ханьбай остолбенел: это же ваза за сто тысяч! В ней хранят маринованный тофу!

Главное, в таких жалких условиях — и какая, к черту, роскошь?!

Чжан Сынянь сказал:

— Вещи, которые делает Шестипалый Лян, только на это и годятся.

Дин Ханьбай не знал, кто такой Шестипалый Лян, но знал, как вывести человека из себя:

— Неважно, на что они годятся, ты все равно не отличил подделку от оригинала.

Чжан Сынянь бросил палочки, его задела за живое, он готов был взорваться от ярости. Он не запер внутреннюю комнату, вошел туда и стал рыться в поисках курильницы. Дин Ханьбай последовал за ним, остановился у порога, и даже дыхание его замерло.

Чжан Сынянь сказал:

— Есть подлинники, есть подделки, выберу одну и подарю, посмотрим на твою удачу.

Дин Ханьбай не любил пользоваться чужой добротой, да и сейчас было не до того.

— Кто ты такой? — спросил он.

Чжан Сынянь ответил:

— У нас есть связь, но отношения еще не дошли до той стадии, чтобы я тебе отвечал.

Ему в руки сунули курильницу. Если бы он не удержал, она бы разбилась, но хозяину было все равно: вещь за десяток-другой тысяч, пусть будет на удачу. Дин Ханьбай вертел ее в руках, убеждаясь, что вещь подлинная, но все вокруг заставляло его глаза разбегаться.

Отношений недостаточно... а если бы хватило, может, его ждало бы что-то еще?

— Мне пора на работу. — Он поставил курильницу и перед уходом наполнил стакан Чжан

Сыняня. Тот с хрустом откусил пампушку и спросил, не хочет ли он выбрать что-то еще перед уходом.

Дин Ханьбай ответил:

— Нет, выберу в следующий раз.

В следующий раз отношения должны быть прочными.

День выдался прохладным, а к вечеру стало совсем холодно.

<http://bllate.org/book/19144/1880223>